

"Цао Шаньшань, я, я действительно не имею в виду это... Юнь Гэ, это..."

Танг Мэн не знала, что настроение Цао Шаньшань этим вечером будет таким нестабильным. Она даже не думала, что ее реакция будет такой яростной. Она внезапно встала и в панике замерла на месте.

"Убирайся!"

Линьюн притворяется "обеспокоенным и раздраженным", пьет и бьет Танг Мэна, и в то же время бросается к нему, его глаза точны и говорят Танг Мэну: "Брат, не могу помочь, на этот раз могу только пожертвовать тобой..."

Танг Мэн такой блестящий и ясный человек, он поведет за собой богов, и он побежит к двери, не поднимая головы. Он выйдет из президентского номера № 1858 прямо, и не забудет закрыть дверь с "тщательностью".

Выйдя, Танг Мэн не сразу пошел далеко. Он прижался ухом к двери, его лицо смеялось, и он хотел прислушаться к стене.

Просто в президентском номере хороший звукоизоляционный эффект, дверь закрыта, и в комнате не слышно ни звука. Обычные люди не могут услышать его снаружи. Танг Мэн не является исключением.

"Звукоизоляция этого... определенно есть страсть к ней..."

Танг Мэн украдкой вздохнул, но бросил слушать настенные корни, покачал головой и направился к лифту.

Он поднялся прямо на десятый этаж и зашел в комнату 1068. Он поднял ногу и сказал: "Открой дверь, открой дверь!".

Дверь открылась очень быстро. Молодой брат Цинлун был обнажен в верхней части тела. Он был одет только в большие штаны и стоял у двери. Его тело покрывал ярко-зеленый дракон, а зубы и когти казались привлекательными.

Младшим братом оказался Танг Мэн, и вдруг до него дошло: "Танг Шао, как ты пришел?".

"Пришел и пришел к тебе поиграть, не так ли?" Танг Мэн сказал небрежно, прямо покачиваясь вошел в дом, и наблюдая за сценой в доме, внезапно обрадовался.

В это время пять молодых братьев-драконов, которых привел Танг Мэн, собрались в этой комнате, сидят вокруг кровати, играют в карты и азартные игры. Это афера, и четверо сидят, скрестив ноги, с кучей денег перед ними, и десятью двадцатью пятьюдесятью одной сотней...

У одного из них была лицензия. Увидев внезапно ворвавшегося Танг Мэна, они быстро встали и спрыгнули с кровати.

Танг Мэн сразу же сжал руки. Он засмеялся и сказал: "Не нужно использовать, давайте продолжим. Продолжайте... насколько велика азартная игра?"

"Дно из десяти блоков..."

"Это большая игра, посчитай мне, что там оттачивает твой ребенок, поторопись..."

Танг Мэн забросил вопрос о том, как слушать корни стены, в облака. Он снял ботинки и лег в постель. Он взял карты, взял карты и начал тасовать.

.....

"Эй! Танг Менг, этот ребенок становится все более и более бесчисленным, я посмотрю, как я смогу привести его в порядок позже!"

После того как Танг Мэн ушел, Лин Юнь пришел в себя. Он отпустил запястье Цао Шаньшаня и указательным пальцем указал на дверь комнаты, скрежеща зубами.

Это, конечно, притворство, и Танг Мэн не совершал ошибок.

В комнате оставалось только два человека. Кинжал Цао Шаньшаня поник, а рука зажала угол одежды. Тихо сказал: "Вы убираете то, что он сделал, он не совершал ошибок...".

Линъюнь украдкой вздохнул: "Эй, это не ошибка - сделать моего ребенка мальчишкой, что тут плохого?!"

Лицо Цао Шаньшань покраснело, и она почувствовала, что ее реакция была слишком большой. Тогда Берибери прикусила нежную нижнюю губу и сказала Линъюнь: "Люди... в семье нет темперамента. На самом деле, люди сами создают свой гнев...".

"Давать свой собственный газ?"

Линъюнь знал, что Цао Шаньшань все еще не приехал на Тайвань. Он качался от спины Цао Шаньшань к ее переду, с кольцом в руках. Обняв за талию Цао Шаньшань, он нежно заключил ее в объятия, так что эти двое оказались зажаты в одном месте.

Он разинул рот и изобразил недобрую улыбку.

Он прошептал: "Шань Шань, скажи мне, почему ты злишься на себя?".

горячо!

Цао Шаньшань не была в объятиях Лин Юня, и ее спина внезапно напряглась. Ее сердце было подобно оленю, а напряжение было необъяснимым.

Странное чувство, от низа живота Цао Шаньшань прямо ко лбу, словно горячий ток, раскалило ее сердце до предела.

Окружение определяет настроение, здесь не утесы, скалы, камни и дожди горы Юньмэнь, здесь президентский люкс великолепного пятизвездочного отеля!

Одинокий мужчина и овдовевшая женщина живут вместе в одном номере. Цао Шаньшань только чувствует, что сердце у нее небывалое, она вскакивает и трепещет.

Все изменили призраки. В городе Циншуй, на вилле, сцена этих двоих была похожа на повтор камеры. Все они промелькнули перед Цао Шаньшань и заставили ее затаить дыхание.

Лицо Цао Шаньшань было горячо-красным, и даже корни ушей были горячими, а сил не было совсем.

Она скучает, жаждет и лелеет объятия Линъюня. О таком практичном, теплом и

душераздирающем чувстве безопасности Цао Шаньшань думала на протяжении трех месяцев заточения.

В этот момент Линъюнь, хотя мягкий нефрит Вэньсянь держит полный заботы, очевидно, что нефритовый человек в его объятиях позволит ему быть тонким и легким, но большие руки Линъюня, но всегда честные и искренние, окольцовывают мягкую талию Цао Шаньшаня. Конечности, нет движения.

Двойной, ремонт может быть, но Цао Шаньшань в настоящее время настроение, физическое состояние, не правильно, это не время.

"Шань Шань, ты еще не ответил на мой вопрос?" мягко сказал Линъюнь, и с улыбкой переспросил.

"Эй..." Цао Шаньшань тихо вздохнул.

Тело Цао Шаньшань действительно красиво. Изначально она была немного богата. В ней есть благородная и богатая красота аристократического золота, и она прекрасна. Но сейчас она похудела на десять килограммов, у нее тонкая талия, как у ивы, а ключицы выдаются вперед.

Две группы казались более полными и круглыми, слегка вздернутыми, и она с облегчением позволила Лин Юню взять ее руки в свои, и ее тело слегка откинулось назад, а затем совпало с патологической бледностью лица Цао Шаньшань...

Лин Юнь почти не удержался и вскинул руку с когтями дракона, но все же устоял.

Цао Шаньшань не осмеливалась смотреть в глаза Линъюню, но она в полной мере ощущала фокус горящих глаз Линъюня. Она была влюблена, но всегда с нетерпением ждала этого. Линъюнь может сейчас подарить ему горячий долгий поцелуй, или же ей не помешает встать и опуститься, но, к сожалению, Линъюнь этого не делает.

"Лин Юнь, хотя я не хочу признавать это, но... я думаю, что разница между нами и настоящим очень и очень далека. Я не могу видеть тебя далеко. Я не смею думать далеко, ты передо мной. Но я всегда чувствую, что все это похоже на сон, мое сердце пусто... Это чувство, я, я боюсь..."

Голос Цао Шаньшаня упал, и в комнате сразу стало очень тихо. В дополнение к чуть слышному дыханию Цао Шаньшаня, упала игла.

Линъюнь носил с собой весь китайский словарь, а также мысленно переписал содержание всех китайских учебников для средней школы и пересказал десятки тысяч людей, которые пытались мочиться. В словах Цао Шаньшаня он, естественно, услышал понимание.

То, в чем Юноу разбирается лучше всего, но это сбивает с толку.

"Что? Это все еще далеко? Как это может быть близко? Можно ли это сделать?!"

Говоря, Лин Юнь двинулся вправо, переместился прямо с талии Цао Шаньшань на ее спину, а затем врезался в ее руки, так что два тела застряли в одном месте.

"Это так мягко, это так хорошо..." Сердце Линъюнь потемнело.

Без всяких колебаний Лин Юнь склонил голову и вдруг поймал нежные губы Цао Шаньшань. Он властно раздвинул зубы Цао Шаньшань своим языком, пробрался внутрь и вкусил

душистый аромат Цао Шаньшань.

"Эй..."

Цао Шаньшань ждал долгое время, и, естественно, ответил с энтузиазмом...

Долгое время губы разделены.

"Звоните... звоните... звоните..." Цао Шаньшань выпятила большие губы и торопливо вдохнула кислород. Спустя долгое время она осмелилась открыть глаза.

Что бросилось в глаза, так это нежная улыбка Линъюнь, самая заметная, конечно, левая щека Линъюнь, все более глубокая, достаточная, чтобы убить бесчисленное множество сногшибательных богинь, пусть они утонут в ней, эта очаровательная и пьянящая ямочка.

"Что!"

Порыв ветра пронесся, Цао Шаньшань почувствовала, что летит, она не могла не воскликнуть.

В следующий момент Лин Юнь уже держал Цао Шаньшань и сидел на диване.

Цао Шаньшань оказалась у нее на коленях, Линъюнь загадочно сказала Цао Шаньшань: "Эй, закрой глаза..."

Цао Шаньшань не рассердилась. В ее абрикосовых глазах были весенние персики, она улыбнулась, и ее глаза закрылись.

Линъюнь придумал ход, достал из пространственного кольца два предмета, аккуратно положил их на передний журнальный столик, а затем сказал Цао Шаньшань: "Ну, можешь открыть глаза!".

Сердце Цао Шаньшань билось как барабан, она фыркнула, тихо открыла глаза, длинные ресницы дрогнули и посмотрели на журнальный столик.

Только взглянув на него, Цао Шаньшань была ошеломлена.

Две вещи, которые достала Линъюнь, были очень обычными и не дорогими, и Цао Шаньшань были очень знакомы.

Потому что это ее собственные вещи.

Первая - это Оксфордский словарь Цао Шаньшаня, вторая - конечно же, дневник Цао Шаньшаня.

Что за характер у Юнь Гэ? Эти две вещи ~www.wuxiax.com~ Даже если кольцо пространства заполнено, он никогда не думал о том, чтобы выбросить.

"Это это....."

Хрупкое тело Цао Шаньшань начало легонько дрожать, а ее глаза помутнели и в них появились слезы...

"Лин Юнь, ты, ты всегда приносил их все сюда?"

Цао Шаньшань была тронута беспорядком, и она была необъяснимо удивлена.

Несомненно, для нынешней Цао Шаньшань, двух вещей Лин Юня достаточно, чтобы полностью убить эмоции Цао Шаньшань.

"Это мое сердце."

Лин Юнь улыбнулся и сказал с глубокой любовью.

Что называется романтикой, что называется удивлением, что называется невинностью?

Юнь Гэ использует реальные действия, чтобы сделать идеальную интерпретацию.
(Продолжение следует.)

Это из

Сеть чтения

<http://tl.rulate.ru/book/7419/2194801>